

Восточный пик высился бок о бок с Главным. Окружавшие его густые облака стлались бесконечной белой пеленой, скрывая половину склонов в туманной дымке, сквозь которую на землю ложились зыбкие, тусклые тени угасающего дня.

Когда они вошли в зал, там уже собралась добрая половина учеников. Окинув взглядом помещение, Цзянь Минну инстинктивно шагнул вслед за Ли Сяохо.

Но тот, поймав его растерянный взгляд, лишь кивнул на расставленные столы:

— Тут везде таблички с именами.

Места распределили заранее: за каждым учеником закрепили отдельный стол. Минну достался в самом центре третьего ряда, тогда как Сяохо отправили на задворки, в самый дальний угол.

Пришлось разделиться. Минну оглянулся: Сяохо уже устроился на своём месте. Скрывающий лицо под жутковатой маской младенца-призрака, он сидел неподвижно, словно отделённый от остальной шумной толпы невидимой, но непреодолимой стеной.

— Слышал, все знатные устроились в Южном дворе... Зато у нас, в Восточном, будет учиться сам Цзинь Линсянь.

Одно лишь упоминание этого имени заставило Минну внутренне содрогнуться. Слово «Цзинь» — императорская фамилия великой династии Юн — невольно вызывало в мыслях картины недостижимой роскоши и всевластия. Юноша застыл в лёгком оцепенении.

Не веря своим ушам, он украдкой скользнул взглядом назад. Действительно, на углу соседнего стола красовалась аккуратная каллиграфическая надпись: «Цзинь Линсянь».

Цзинь Линсянь, Третий принц династии Юн, приходился родному наследнику престола единоутробным братом — они оба были рождены императрицей. Поскольку юноша не проявлял ни малейшего интереса к государственным делам, его ещё в раннем детстве отправили на обучение в Цзиньлин. С тех пор в народе его шепотом величали не иначе как Наследным принцем Цзиньлина.

Словно в подтверждение этих мыслей, у входа раздался весёлый гомон. В зал ввалилась толпа учеников, в центре которой шел молодой человек. Черные, точно выведенные тушью брови, глубокий, пронзительный взор, резко очерченные виски... Облачённый в яркие одежды императорского жёлтого цвета, он так и лучился надменным холодом. Лоб его украшала расшитая лента, а тонкую талию стягивал пояс с подвесками из чистейшей яшмы. Он казался сошедшим с древнего свитка юным принцем — утончённым, величественным и абсолютно безучастным к окружающим. Однако за этой безупречной, холёной внешностью угадывался свирепый, почти звериный нрав.

Поговаривали, что этот венценосный юноша от природы отличался строптивым характером. Он был капризен, жесток, переменчив в настроениях и водил дружбу исключительно с праздными отпрысками богатых кланов.

В прошлой жизни Минну доводилось слышать немало слухов о диких выходках Третьего принца. Стоило тому войти, как юноша поспешно опустил голову, уставившись на спинку переднего сиденья.

Большинство тех историй стерлось из памяти, но одну деталь он помнил отчётливо: Его Высочество питал слабость к красиво поющим юношам и девушкам. При дворе он держал их десятками, и ходили слухи, что многих из этих несчастных он замучил до полусмерти, лишив человеческого облика.

— Ваше Высочество, когда мы выясним, кто посмел переписать тот магический строй, этому наглецу несдобровать. Мы с него шкуру спустим!

— Слышал, в итоге строй распутал какой-то Цзянь Сюэхэ, молодой господин из Цзянчжоу. Знакомое имя...

— Да, лицом пригож, только уж больно нелюдим.

Подол ярко-жёлтого халата промелькнул перед глазами. Минну усердно листал учебную тетрадь, стараясь не поднимать ресниц, однако его обоняния коснулся едва уловимый аромат дорогого сандала. Шумная свита принца, недолго думая, оккупировала все места вокруг.

Ещё минуту назад здесь было пусто и спокойно, а теперь он оказался зажат в плотном кольце холёных столичных франтов.

Из-за спины донёсся тихий, бархатистый смешок с характерной юношеской хрипотцой:

— Наш старший брат Сунцзин наверняка знает имя шутника.

Вдруг Минну кожей почувствовал на себе чей-то пристальный взор. Тот медленно скользнул по его плечам и шее, словно хищный сапсан, высматривающий в траве беззащитную добычу.

Сидящий впереди юноша казался удивительно хрупким. Одетый в тончайший, струящийся шёлк сучжоуской работы, он держал спину безупречно прямо. Его большие, похожие на оленьи глаза были скромно опущены, скрытые густым веером длинных ресниц. Аккуратный, точёный носик и мягкие алые губы, которые он едва заметно покусывал от волнения, довершали этот нежный образ. Сзади же взору открывался лишь изящный изгиб шеи — тонкой, белой и такой беззащитной, будто её можно было переломить одним движением пальцев.

Шум вокруг постепенно утих. Не выдержав тяжести этого липкого, изучающего взгляда, Минну невольно обернулся и столкнулся глазами с Третьим принцем.

Во взоре того не отразилось ни капли смущения. Принц явно не считал подобное бесцеремонное разглядывание нарушением приличий.

Поспешно отвернувшись, Минну попытался сосредоточиться на книге. Мимолётная заминка прошла незамеченной для остальных, и вокруг снова завязался оживлённый спор.

— Кстати, говорят, среди новичков есть какой-то юродивый, который вечно прячет лицо под маской...

— Ага, тот, что в тряпье с красным воротом. На его одежде живого места от заплат нет! Он что, побирушка из Фэнчжоу?

— Вон он, глядите, примостился в самом углу.

— Надо же, а я и не приметил бы, если б ты не ткнул пальцем.

Разговоры смолкли сами собой, когда порог зала переступил старейшина Сюймэнь.

Первый месяц обучения в Академии Пути Меча посвящался теоретическим основам. К огромному облегчению Минну, наставники относились ко всем одинаково и начали лекцию с азов — с изменения костной основы, то есть изменения врождённых духовных каналов.

— В мире смертных духовные кости укрепляют и перестраивают в возрасте от восьми до двенадцати лет, — неспешно вещал старейшина Сюймэнь. — Если упустить это время, изменить структуру каналов станет невероятно трудно, и человек потеряет способность направлять духовную энергию в тело. Однако если вы всё же вознамерились сделать это в более зрелом возрасте...

Для остальных эти слова были прописной истиной, но для Минну, лишённого в прошлом какого-либо наставничества, лекция открывала совершенно новый мир. Он впитывал каждое слово с жадным вниманием.

Впрочем, для большинства занятие казалось невыносимо скучным. Мало кто слушал старика всерьёз. Сидевший в самом конце зала Ли Сяохо и вовсе заснул, едва старейшина успел открыть рот, без сил рухнув лицом прямо на сложенные руки.

На этом унылом фоне сияющий, полный живого интереса взгляд Минну, сидевшего к тому же прямо по центру, моментально привлёк внимание преподавателя. Наставник почувствовал невольную гордость за такого прилежного ученика. Откашлявшись, он доброжелательно произнёс:

— Цзянь Минну, поделись своими мыслями. Что ты чувствовал до того, как пришел в Академию?

Услышав своё имя, юноша вздрогнул. Осознав, что обращаются именно к нему, он порывисто поднялся. Десятки любопытных глаз тут же устремились в его сторону. Встретив мягкий, ободряющий взгляд старейшины, Минну взволнованно прикусил губу и после недолгой заминки тихо ответил:

— Старейшина... у меня совсем нет духовных сил. Я давно упустил то время, когда можно было легко перестроить кости.

До этого момента лениво созерцавший пейзаж за окном Третий принц мгновенно обернулся. Нежный, чистый голос, прозвучавший впереди, мягким перышком коснулся его сердца, заставив отвлечься от созерцания облаков.

Сам же Минну, поглощённый разговором с наставником, даже не заметил этого. Он ужасно робел, боясь стать посмешищем для сверстников, и потому слегка вжал голову в плечи. И хотя сам юноша не догадывался о прикованном к нему внимании, некоторые из сидевших рядом учеников быстро смекнули, в чём дело. Их взгляды, обращённые на Минну, наполнились пониманием и скрытой усмешкой.

— Отсутствие базовой культивации — ещё не приговор, — мягко улыбнулся наставник. — Перестроить тело сейчас будет труднее, но способы найдутся. Через пару дней загляни к Сунцзину, пусть он осмотрит твои меридианы.

Окружённый такой теплотой и заботой, Минну почувствовал, как страх отступает. Он с благодарностью поклонился и сел на место, ловя каждое последующее слово учителя с ещё большим рвением.

Наконец дневные занятия подошли к концу. Старейшина покинул зал, а за ним потянулись и ученики. Вскоре помещение почти опустело, не считая нескольких человек, медливших у дверей.

— Эй, Цзянь Минну, Его Высочество желает тебя видеть, — к его столу подошёл один из прихвостней принца.

Минну, как раз укладывавший тетради в сумку, замер. Он невольно бросил взгляд на выход: там переминались с ноги на ногу ещё несколько прихвостней принца, украдкой наблюдая за ним.

В Девяти провинциях власть императора была непререкаема. Даже Истребители скверны

служили короне, а великие бессмертные ордена всегда уступали прихотям царственных особ.

«Я ведь только ответил на один вопрос...» — испуганно подумал юноша. Предчувствуя неладное, он попытался мысленно подготовиться к неизбежному. Делать было нечего. Подавив нарастающую тревогу, Минну послушно поднялся и последовал за провожатыми прочь из главного зала Восточного пика.

Тем временем Ли Сяохо проспал до самых сумерек. Когда он наконец разлепил веки, в просторном зале царил полумрак, разгоняемый лишь парой оплывших свечей. Мужчина сонный огляделся по сторонам, но средние ряды пустовали — Цзянь Минну давно ушел.

Хотя большинство жилых построек на Восточном пике выглядели скромно, обитель Третьего принца разительно отличалась от остальных. Его покои походили на настоящий дворец: резные лакированные колонны, помпезные ширмы с тончайшей росписью и изысканные светильники, кричащие о баснословной роскоши. Сам хозяин этого великолепия восседал в глубине комнаты, скрытый полупрозрачным шелком ширмы.

— Приветствую Ваше Высочество, — Минну низко поклонился у самого входа, не смея сделать ни шагу дальше. Весь его облик выражал крайнее напряжение и почтение.

— Цзянь Минну... Какое любопытное имя. Уж не в честь ли Небесного летописца Минну из древних сказаний тебя нарекли? — раздался из-за ширмы ленивый голос.

Юноша слегка удивился такой осведомлённости, но после секундного замешательства тихо подтвердил догадку. Это действительно было имя великого божества из древней мифологии. Матушка нарекла его так, надеясь уберечь от невзгод. Минну в тех легендах символизировал мир, покой и защиту, и женщина, должно быть, просто желала своему сыну долгой и тихой жизни, лишенной потрясений.

— Зачем... Ваше Высочество приказал мне явиться?

— Кое в чём мне требуется твоя помощь. На новом месте я никак не могу уснуть. Говорят, мерное чтение стихов отлично успокаивает разум перед сном...

Минну мгновенно всё понял. Избалованный принц просто вознамерился использовать его в качестве живой усыпляющей игрушки. Юноша закусил губу, его ресницы мелко затрепетали от подступившей обиды и страха.

— Ваше Высочество, у меня нет духовной силы, и старейшина велел мне в скором времени навестить старшего брата Сунцзина... К тому же Его Высочеству куда больше помогли бы успокаивающие благовония. Мой голос скучен и груб, боюсь, под моё чтение вы и вовсе

лишиться сна.

Сквозь полупрозрачный шелк ширмы Третий принц устремил на него тяжелый, холодный взгляд. Его красивое лицо оставалось бесстрастным, и от этой неподвижности веяло пугающим равнодушием.

— Ты... смеешь мне отказывать? — негромко спросил он.

В комнате воцарилась удушающая тишина. Только сейчас Минну заметил, что в огромных покоях горят всего две свечи. В их неверном, колеблющемся свете силуэт принца казался зловещим призраком, а длинные тени, тянувшиеся по стенам, походили на когти чудовищ, не пускающие юношу назад.

Помедлив, Минну безмолвно склонил голову в знак покорности.

— Я не смею... противиться воле Вашего Высочества.

В ту ночь ему пришлось остаться и до самого рассвета читать стихи для августейшей особы.

В свой скромный дворик он вернулся глубокой ночью. Горло саднило от долгого говорения, язык словно онемел от жажды. Нащупав в темноте чайник, Минну жадно припал к пиале с остывшим чаем. Едва сделав глоток, он уловил шорох. Обернувшись, юноша вздрогнул: дремавший до этого на постели сосед сидел прямо, глядя на него.

В густом сумраке белесая маска младенца-призрака выглядела особенно жутко. Ли Сяохо молча созерцал вошедшего, не произнося ни слова. Почувствовав неловкость от того, что, должно быть, потревожил чужой сон, Минну поспешно прошептал:

— Прости, я сейчас же лягу.

Маска на лице соседа слегка качнулась вбок.

— Где ты пропадал? — хрипло спросил Сяохо.

Минну замялся. Даже зная, что этот странный парень вряд ли станет совать нос в чужие дела, признаваться в своей постыдной роли придворного чтеца не хотелось.

— Возникли кое-какие дела со старшими учениками... Я разбудил тебя? Извини.

Сяохо не удостоил его ответом. Он молча опустил обратно на ложе, сложил руки на животе и мгновенно застыл в своей излюбленной, пугающе неподвижной позе покойника.

Обессиленный Минну уснул в мгновение ока. Первые дни он еще как-то держался на голом упрямстве, но вскоре хронический недосып дал о себе знать. На занятиях у него слипались глаза, а мысли путались, мешая улавливать суть объяснений наставников.

Юноша начал тихо ненавидеть эти ночные визиты. Заметив его вялость, Третий принц решил сменить гнев на милость, пообещав отпустить его до наступления часа крысы.

К счастью, все эти дни принц действительно требовал лишь чтения стихов и не заставлял делать ничего предосудительного. Сегодня старейшина Сюймэнь закончил лекцию раньше обычного, и солнце ещё даже не успело коснуться горизонта, когда на выходе из зала Минну вновь преградили дорогу.

— Его Высочество велел тебе следовать за нами, — бросил подошедший прислужник.

— Куда мы идём? — с замиранием сердца спросил Минну.

— Поменьше вопросов. Просто иди следом.

Делать было нечего, и Минну покорно поплёлся за слугой. Далеко позади, среди выходящих из ворот учеников, показалась фигура в маске младенца-призрака. Ли Сяохо мгновенно выцепил взглядом хрупкую фигуру юноши в толпе. Проводив его долгим, нечитаемым взглядом, он озадаченно склонил голову набок. Направление, куда вели Минну, явно не имело отношения к их скромному жилому сектору.

— Не трусь, — снисходительно бросил провожатый, заметив, как побледнел юноша. — На этот раз Его Высочество зовёт тебя не ради забавы. Сегодня ты приглашён в качестве почётного гостя. В покоях соберутся люди, которых простому смертному вроде тебя в обычной жизни и увидеть-то не суждено. Слышал когда-нибудь о Мэй Ханьцзюэ или о твоём однофамильце Цзянь Сюэхэ? Так вот, сегодня они почтят нас своим присутствием. От тебя не потребуется ничего сложного — просто спой для Его Высочества красивую песню.